

Международная Ассоциация Кавказских Региональных Исследований

Право Политика Экономика Социология Современная история Международные отношения

Том 2, Выпуск 1, 1997

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НА КАВКАЗЕ

Йоган Галтунг*

Текст лекции, прочитанной в Кавказском институте мира, демократии и развития (Тбилиси, Грузия)

В противоположность тому, что иногда говорят, я не нахожу уникальной ситуацию на Кавказе. В мире, насчитывающем до 200 стран и 2000 народов, и только 20 наций-государств, Кавказ не является единственным местом, где народы внутри государств располагаются не в точности с их географическим пространством, а как нации, находящиеся внутри наций, находящихся внутри наций, в стиле матрешек/китайских коробочек. Такой пример является особенно частым в горных регионах со сложной топографией, от Гималаев до Пиреней, способствуя выживанию карманов внутри карманов. Есть и иные, пока еще не приобретшие геростатической славы. Все это ведет к новым подходам, подобно сгибанию известной ленты Мобиуса таким образом, чтобы линия, проведенная от А до Б, не смогла бы пересечь конца.

Конкретным последствием является то, что любой процесс самоопределения проходит не параллельно, а как серия уровней: нация (Грузия) отделяется от супер-нации (СССР) и вступает в середине в конфронтацию с суб-нацией (Абхазией), что, в свою очередь, может привести к конфронтации с суб-суб-нациями и т.д. Это будет первым порядком самоопределения (например, Хорватия), затем приходит второй порядок самоопределения (например, Сербия в Краине), затем третий порядок самоопределения (например, хорватское меньшинство внутри сербского меньшинства внутри Хорватии).

Нет ничего уникального и в комбинации местного, государственного и регионального конфликтов. Супер-нация (СССР, Югославия) может предложить защиту суб-нации, которую новое независимое государство, подогреваемое ограниченным национализмом, не желает предложить. Регион может апеллировать тогда к своим старым протекторам. Структура матрешки ведет к сотрудничеству между супер-нациями и суб-нациями, если дано, что они имеют общего врага.

В Грузии нет ничего уникального и в комбинации культурных/исторических факторов, борьбе элиты за власть и внешней интервенции. Ситуации на Кавказе и в Югославии довольно схожи. Не является уникальным и русский интервенционизм со своей "сферой интересов". Большие державы имеют тенденцию рассматривать это как право и обязанность. В Латинской Америке почти 100 раз военное вмешательство США было значительным, один раз даже приведшим к аннексии половины Мексики. Поведение России по отношению к Беларуси, или США по отношению к Канаде, может быть охарактеризовано как относительно порядочное;

однако, с другой стороны, поведение царской и большевистской России по отношению к Кавказу является зверским, таким же, каким было и поведение Соединенных Штатов (при президентах как от демократов, так и от республиканцев) по отношению к Центральной и Южной Америке. Существует даже стыковка между двумя, продемонстрированная во время встречи Горбачев-Буш на Мальте в 1989 году, и сразу же после этого интервенциями Соединенных Штатов в Панаме, а Советского Союза в Баку. Как говорят африканцы: когда дерутся слоны, страдает трава; когда слоны занимаются любовью, трава также страдает. Российский рынок относительно более привлекателен для США, чем любой национальный кавказский рынок.

Нет ничего уникального и в комбинации политических, военных, экономических и культурных факторов на Кавказе. Большинство межгосударственных или межнациональных конфликтов содержит в себе все четыре элемента. Никогда не имеет места какого-либо изолированного "конфликта цивилизаций". Кавказ, или какие-либо части Кавказа, могут оказаться более привлекательными для США посредством нефти или стимулирования инвестиций. Чтение истории Латинской Америки может послужить в качестве предупреждения против слишком большой надежды на безопасность капиталовложений США в регионе, а чтение истории Среднего Востока является доказательством против узости, близорукости сосредоточении на нефти и трубопроводах. Когда империя, подобная СССР, дезинтегрируется, и, вдобавок, приватизируется, многие ценности расхватываются: принадлежат ли они России, Грузии или Абхазии? Возникает соблазн "дать возможность решать оружие". Но следствием является то, что каждая война ведет к другой войне для получения нового "решения".

При объяснении конфликта я хочу предупредить против любого редуционизма. Во-первых, большинство человеческих конфликтов являются очень сложными в смысле числа сторон и числа преследуемых ими целей, делая редуционизм эмпирически и теоретически исчезающим. Во-вторых, он прагматически неверен: упрощение конфликта делает его еще более трудным, производя и воспроизводя поляризованные образы единственного врага. Вместо освобождения от проблемы, делается попытка освободиться от врага. Если противоположная сторона думает таким же способом, то разыгрываются войны.

Бесплодно предполагать, что все конфликты зависят от решений, принимаемых в Москве/России. Такие решения определенно играют главную роль. Но удаление со сцены России не означает удаления конфликтов между грузинами и абхазами по таким важным проблемам, как язык и образование, или между азербайджанцами и армянами из-за территории Нагорного Карабаха. Короче, мы должны стремиться к рассмотрению конфликтов на Кавказе во всей их сложности, включая вовлеченность и других главных иностранных держав, таких как Турция и Иран. По этой причине не стоит следовать журналистской традиции давать имя конфликту согласно тому месту, где имело место насилие, арена конфликта. Термин "абхазский конфликт" в лучшем случае является короткой версией термина "абхазо-грузино-русский конфликт", что опять же может быть короткой версией "конфликта вокруг Кавказа и внутри Кавказа, разыгравшегося в Абхазии". Исходной точкой является то, что наилучшая основа для диагноза и терапии находится в самой сложности конфликтной ситуации.

Давайте теперь перейдем от этих более структурных рассмотрений к рассмотрению "культурного менталитета", и в особенности трех характерных черт, которые кажутся создающими относительные препятствия для любого кавказского мирного процесса. Это: *воинственный менталитет*, *менталитет "начальника"* и *менталитет жертвы*. Но есть, конечно, и другие классические черты многих "традиционных" обществ, такие какими являются следующие пять: гостеприимство, щедрость, мужество, честь и достоинство. Прекрасный "Витязь в тигровой шкуре" Шота Руставели дает незабываемые образы на эти темы. Однако, три упомянутые мной черты привлекают внимание.

Воинственный менталитет.

Человек на спине лошади является часто встречающейся статуей; учебники изобилуют упоминаниями о воинственных героях. В этом менталитете есть несколько привлекающих внимание показательных идей, никоим образом не ограниченных кавказским регионом.

Первая, это низкий порог для насильственного действия. Насилие, будучи профессиональным занятием, рассматривается как естественное и нормальное, плачевное для жертв, но как нечто, рассматриваемое в качестве болезней, штормов, молний, землетрясений. Эти вещи просто происходят. “Мужественная” воинственность подвергает себя риску быть убитым. Часто был слышен аргумент против русских о том, что они сидели в своих танках в безопасности, расстреливая граждан. Правда это или нет, но это тип насилия, управляемый воинствующей этикой и представляет собой одну из причин анти-русских настроений.

Вторая, конфликты связываются с победой, а не с их разрешением. Трансформация конфликта в дуэль или битву делает это определение истинным. При отсутствии сильной альтернативы представления об окружающем конфликте как поведении, нацеленном на победу, т.е. навязывание чьих-то целей за счет другой стороны, будет процветать.

Третья, переговоры также ставят целью победу, а не разрешение. Если это применимо к битве, то также и к столу переговоров, как вербальному полю битвы. Проблемой становится то, как мобилизовать аргументы, то есть, опираясь на международный закон, обловить, обхитрить другую сторону.

Менталитет начальника/шейха

Воинствующая традиция распределяет доступ к насилию (по крайней мере между лицами мужского пола) более равномерно, чем аристократическая традиция; традиция начальника/шейха предполагает обратное там, где доступ к власти определен. Решения о войне и мире, о внешней политике принимаются теми, кто находится высоко наверху, так что ничего не может и не должно быть предпринято в связи с этим. Гражданское общество может существовать, может обсуждать и может даже предлагать; но распоряжается начальник. Выборы определяют нового руководителя, но между выборами он правит точно также, как это делали шейхи/ начальники. И народ подчиняется, хотя вскоре начинает смотреть вперед, в сторону следующих выборов, если тот не может представить конкретных результатов. Новым, в связи с демократией, является не способ, каким правит начальник, а то, что его правление имеет временной лимит. Когда время выходит, и это второй момент, мирный переход к новому начальнику, а не насильственная борьба преемника, соответствует демократической традиции. Нет маленьких выгод, но остается менталитет начальника.

Менталитет жертвы

Были огромные страдания, часто даже геноцид на глазах у многих. Каждая группа будет требовать безраздельного внимания и фокусирования на ее травмах, включая и то, как быть с творителем зла. Однако каждая группа не желает, чтобы такое же внимание обращали на других. Поэтому диалог легко приобретает форму параллельных монологов: никто не слушает, но каждый участник высказывает свои обиды. Этот *менталитет бункера*, который можно объяснить психологически,

является определенным средством достижения статуса кво. Любая выдвинутая идея или останется без комментария, или же будет отстранена, не обязательно потому, что идея является плохой, а потому, что она не ставит собственные интересы оппонентов в центр дискуссии. Здесь имеет значение комбинация несовместимого когнитивного и эмоционального планов.

Три менталитета благоприятствуют появлению “большого начальника”. Все, что делают большие начальники, это обещают, что интересам всех будет уделено внимание, включая наказание всех творителей зла. Это хорошая стратегия для получения поддержки через политику клиентелизма. Поступая таким образом, большой начальник подготавливает почву для определенного числа своей оппозиции в другом государстве/нации с зеркальными когнитивными планами. Оба повсюду производят и воспроизводят друг друга и им подобных "лидеров". Диалектика этого процесса является само-воспроизводящейся и запугивающей.

Три характеристики менталитета ведут к поиску вмешивающегося патрона и большой державы. Тройной менталитет делает политическую работу относительно легкой для любой из окружающих больших держав. Если она является единственной державой, действующей в регионе, то можно предположить, что она будет навязывать урегулирование. Оксюморон, известный как "военное решение", часто используется в этом контексте. Большая держава определенно является начальником. Оставление решений за ней означает ей на выгоду, и питается “менталитетом начальника” малого государства. Большая держава может наказывать творителей зла и выделять яркость и героизм. В конечном итоге большая держава может зайти слишком далеко, она перестает маскироваться, и некоторые клиенты начинают смотреть вокруг в поисках нового начальника, заявляя в то же время, что она является естественным центром, *primus inter pares*, и что она желает предложить протекцию, так необходимую стране-клиенту. И таким образом, карусель продолжает крутиться. Правление с такими допущениями иногда упоминается как “*realpolitik*”, но в действительности оно “идеалистично”, в смысле абстрагирования от реальности. Говоря вообще, женщины менее чем мужчины подвержены этому синдрому. Женщины определенно являются жертвами. Но они менее склонны к воинственному менталитету и к менталитету начальника. Они меньше поддаются влиянию убежденных сторонников таких идей. Будучи менее подверженными, женщины более свободны в формулировании альтернативных идей.

Но как начать? Как Грузия могла бы прийти к процессу де-эскалации? Грузия оказалась сжатой своей многонациональной реальностью. Любое усилие навязать грузинский язык или историографию абхазам, аджарцам, осетинам и другим приведет к возмущению, также как и любое усилие русских сделать то же в отношении грузин. Интересным является подход швейцарцев с языку: люди изучают все три (четыре) языка, но если это заканчивается хорошим активным знанием собственного и пассивным знанием других языков, то все могут понимать друг друга, когда каждый говорит на своем собственном языке, например, в парламенте. Был бы федерализм хорошим решением для Грузии? В равной степени является интересным швейцарский подход к образованию: 22 кантона имеют 22 директора по образованию. А может быть есть нечто в том, что говорят китайцы: "В силе слабость и в слабости сила"?

В основе своей ключ к трансформации конфликта на Кавказе мирными средствами лежит в сотрудничестве, основанном на демократии и правах человека. При трех государствах и двадцати восьми народах в регионе, любая из частей слишком слаба, чтобы выжить одной в современном мире. Вместе они могут дополнять друг друга экономически и культурно, и противостоять политическому давлению извне. Особенно полезными для данной цели были предложения, выдвинутые тремя женщинами. Наира Гелашвили призывает к Общему Кавказскому Дому для всех кавказских народов и к кавказскому гражданскому обществу; Людмила Арутюнян отстаивает Кавказскую Конфедерацию между шестью членами (Грузия, Армения,

Азербайджан, и затем Абхазия, Осетия Нагорный Карабах); Арзу Абдуллаева настаивает на двойном гражданстве.

Основная философия заключается в силе, исходящей из внутреннего сотрудничества, а не в таком типе силы, который воспринимался бы как угроза кому-либо. Внешние (большие) державы приглашаются в качестве наблюдателей, если они того желают, но не в качестве принимающих решения, даже не в качестве посредников. Дружественные, прозрачные, не-провоцирующие, а также беспристрастные среди внешних (больших) держав, хотя решительные и автономные - это был бы основной менталитет, который сделал бы кавказское сотрудничество успешным.

Сотрудничество на Кавказе: некоторые наблюдения

Основным предметом сотрудничества на Кавказе является безопасность, а основным подход возможен был бы через сотрудничество и диалог. Поэтому, Конференция/ Организация по Безопасности и Сотрудничеству на Кавказе (К/ОБСК), вероятно на панкавказском уровне, при наличии постоянного Совета Безопасности и под эгидой ОБСЕ, могла бы быть первым шагом. Кавказцы были бы хозяевами в их собственном доме. Меньшинства, которые чувствуют себя нелегко внутри данного государства, могли бы быть приглашены для защиты своих интересов на кавказском уровне, вместе с другими кавказцами, служащими в качестве посредников. Рано или поздно за этим последовало бы создание Кавказского Парламента, который поднял бы такие вопросы, как должны ли его члены быть назначены парламентами государств, или избраны народным голосованием (два этапа в истории Европейского Парламента).

Полезной моделью может быть Скандинавский Совет, так как девять единиц входящих в него членов являются совершенно разными: пять независимых стран (Дания, Норвегия, Швеция, Финляндия и Исландия), одна полу-независимая (Гренландия), две островные группы, которые являются частью Дании (Фарерские острова) и Финляндии (шведско-говорящие, нейтральные Аландские острова), и один народ, охватывающий три страны - Норвегию, Швецию и Финляндию (Sami). Не связанная с кавказской сложностью, формула все же является необычной. Однако иметь голос не означает голосовать. Другая модель Кавказского Парламента могла бы иметь две палаты, одна для государств, а другая для народов Кавказа. Последняя могла бы служить выражению интересов или принятию решений, с определенным институциональным механизмом (наподобие Конгресса США) в случае разногласий между двумя палатами.

Особым интересом Кавказского Парламента могли бы быть возможности для двойного гражданства - одного для государства, в котором личность проживает, а другого для государства той нации, к которой личность себя относит. Особое внимание могло бы быть уделено проблемам двойного голосования, военной службы и налогов. Такой тип сотрудничества, как Совет сотрудничества, общий рынок, сообщество, конфедерация или даже федерация, мог бы начаться без предрешения последующего результата.

Начало: зона мира в середине Кавказа

Трем странам Южного Кавказа: Армении, Азербайджану и Грузии повезло, что они имеют в середине общую точку пересечения границ - Красный мост - редконаселенный, где нет ни гор, ни озер. Скандинавские страны могут лишь желать иметь такую точку в благоприятном географическом месте (в действительности только лишь Дания и Швеция подходят близко, точка трех стран -

Норвегии, Швеции и Финляндии - находится в очень трудной местности).

Если бы в каждой стране возможно было выделение нескольких квадратных километров для зоны сотрудничества, развития и мира вокруг этой точки (при сохранении собственников каждой из этих частей), то кавказское сотрудничество могло бы быстро продвигаться от деклараций к реальности.

В культурном отношении эта зона могла бы стать зрелищем для главных фестивалей культуры, и не только для молодежи, с сочетанием музыки и пения с диалогами (скажем, в группах по десять человек), дающими конкретные идеи сотрудничества, развития и мира, дающими призы за лучшие идеи, вручение их политикам в качестве дара от народа - все это соответствует целям ЮНЕСКО: культура мира. Также могли бы проводиться постоянно действующие выставки и экуменические диалоги.

В экономическом отношении, эта зона могла бы включать региональный аэропорт с хорошими автомагистралями между тремя столицами (таким образом, также связывающими их друг с другом). Международные авиалинии, не связывающие три страны, могли бы также быть привлекательны посредством региональных возможностей (в будущем привлекательной могла бы стать и совместная кавказская авиалиния). По примеру японских моделей, важной была бы экономическая зона для совместных предприятий, в частности в экспортном секторе.

Зона была бы демилитаризованной, или, по крайней мере, свободной от каких-либо наступательных вооружений. Стоило бы рассмотреть и тренировку для миротворческих миссий Кавказских Миротворческих Сил.

В политическом отношении, это могла бы быть нейтральная территория, на которой размещались бы кавказские институты по функциональному сотрудничеству в таких областях, как окружающая среда или безопасность (к примеру, Конференция/Организация по Безопасности и Сотрудничеству на Кавказе, К/ОБСК, по эгидой ОБСЕ; или вообще Кавказский Совет Безопасности). Если регион провозгласит себя как сообщество или даже кон-федерация, то логически это будет местонахождением Кавказской Ассамблеи, будет ли она однопалатной (для стран) или двухпалатной (дополнительная палата для национальностей).

Внешний мир был бы приглашен в качестве наблюдателей. Четыре большие державы могли бы проверять, что нет ничего в этой концепции, направленного против них. Для Северного Кавказа точка трех стран не является символической ценностью; сотрудничество с этим регионом в рамках панкавказской формулы могло бы привести и к обнаружению других, более подходящих мест.

Конкретность может быть другом, но также может быть и врагом. Ценность зоны мира в том, что она является источником вдохновения, первым местом, где практикуются некоторые идеи.

Примечания:

- **Йоган Галтунг** - профессор исследований мира; директор TRANSCEND: Сообщество мира и развития. Электронная почта: <102464.1110@compuserve.com>.